

УДК 342.727

DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-111-121

ПАРАДОКС АНОНИМНОСТИ В ИНТЕРНЕТЕ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

A. N. Мочалов

Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия
E-mail: artur.mochalov@usla.ru

В статье приводится анализ современных тенденций в области правового регулирования анонимности в сети Интернет, описываются юридические и организационно-технологические проблемы обеспечения анонимности. Автор исследует подходы к анонимности пользователей, сложившиеся в международном праве, в законодательстве и правоприменительных актах отдельных стран, в том числе в России. Делается вывод, что сегодня в Интернете не существует абсолютной анонимности или конфиденциальности. Анонимность в Интернете является относительной и условной. При этом правительства разных стран и глобальные технологические компании стремятся обеспечить себе доступ к максимально возможному объему данных о пользователях глобальной Сети. Несмотря на это, анонимность продолжает рассматриваться в качестве важной юридической гарантии реализации многих прав человека, в числе которых право на имя, неприкосновенность частной жизни, тайну корреспонденции, свободное выражение мнения. В этих условиях важным направлением правового регулирования является закрепление баланса между анонимностью и открытостью в ходе интернет-коммуникаций, а также установление надлежащих юридических процедур раскрытия данных о пользователях и эффективных судебных гарантий в связи с раскрытием таких данных.

Ключевые слова: Интернет, анонимность, права человека, неприкосновенность частной жизни, свобода выражения мнения.

Для цитирования: Мочалов А. Н. Парадокс анонимности в Интернете и проблемы ее правового регулирования // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 4. С. 111–121. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-111-121.

THE PARADOX OF ANONYMITY ON THE INTERNET AND THE PROBLEMS OF ITS LEGAL REGULATION

A. N. Mochalov

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia
E-mail: artur.mochalov@usla.ru

The article analyzes the contemporary tendencies in the field of legal regulations of anonymity on the Internet, describes legal and organizational and technological problems of ensuring anonymity. The author analyzes the approaches to the users' anonymity that were developed in the international law, legislation and judgments of various countries, including Russia. It is concluded that today the Internet does not provide the full anonymity and confidentiality. The anonymity in the Internet is relative and conditional. At the same time, governments of the various countries and global technological companies aim to provide the access to the maximum possible amount of data about the Internet users. However, despite this, the anonymity is still considered as an important legal guarantee of ensuring many human rights, including right for a name, inviolability of private life, privacy of correspondence, and free expression of opinions. In such conditions, the establishment of balance between anonymity and openness during Internet communications, as well as establishment of proper legal procedures to disclose the users data and effective court guarantee related to the disclosure of such data are the important direction of legal regulation.

Keywords: Internet, anonymity, human rights, inviolability of private life, freedom to express opinions.

For citation: Mochalov A. N. The Paradox of Anonymity on the Internet and the Problems of Its Legal Regulation // Surgut State University Journal. 2021. No. 4. P. 111–121. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-111-121.

ВВЕДЕНИЕ

Проблемам анонимности в Интернете посвящено большое количество исследований. Разные авторы акцентируют внимание на этических [1], технологических [2, 3], правовых [4–8], психологических [9] аспектах обеспечения анонимности. Интерес к анонимности в Интернете обусловлен тем, что до настоящего времени ни в академической науке, ни в практике не сложилось единообразных критериев для определения ее границ и условий реализации. В литературе об анонимности часто говорится как о неотъемлемом праве человека, гарантирующем безопасную и конфиденциальную коммуникацию в Интернете [2, 7, 10]. В то же время многие авторы подчеркивают, что абсолютная анонимность в глобальной Сети невозможна [5, 11].

Концепция анонимности в Интернете оказалась крайне подвижной. В начале существования глобальной Сети анонимность пользователей считалась одним из ее ключевых признаков. Интернет-протокол не предусматривал передачи информации о пользователе или о конечном оборудовании. Однако впоследствии (особенно с появлением Web 2.0 и социальных сетей) ситуация в корне переменилась, и сегодня Интернет – это пространство, скорее, открытого, а не конфиденциального общения, где анонимность стала во многом лишь иллюзией. Вместе с тем соблюдение фундаментальных прав человека в Интернете является не менее важным, чем в офлайн-среде. Не становится исключением право на неприкосновенность частной жизни и право на тайну корреспонденции. Парадокс состоит в том, что анонимность – при всей ее относительности и условности – продолжает рассматриваться как одна из важнейших гарантий реализации указанных прав в интернет-коммуникациях [4, 7, 10].

Целью настоящей статьи является анализ правовых возможностей регулирования анонимности в Интернете в условиях, когда государства и глобальные интернет-компании стремятся получить максимальную информацию о пользователях и их действиях. Для этого будут рассмотрены подходы к анонимности, сложившиеся в международном

праве и в национальном праве ряда государств, в том числе в России; показана связь анонимности с фундаментальными правами и свободами человека; описаны юридические и организационно-технологические проблемы обеспечения анонимности пользователей глобальной Сети.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В центре внимания статьи находится правовое регулирование анонимности в Интернете, в частности ограничений анонимности. В статье исследуются отдельные положения нормативных и правоприменительных актов различных стран, посвященные правовым аспектам анонимности в сети Интернет, а также акты международных органов, в том числе Европейского Суда по правам человека, и пользовательские соглашения социальных сетей. Ограниченный объем статьи не позволяет представить все многообразие подходов к регулированию анонимности, сложившихся в разных странах и на различных цифровых платформах. Поэтому приведенные в статье примеры носят, скорее, иллюстративный характер, демонстрируя наиболее общие тенденции.

Для получения результатов использован сравнительно-правовой метод. Он позволяет проводить сопоставительный анализ правовых норм и документов и фиксировать сходства и различия в подходах, а также выявлять тенденции правового регулирования и правоприменительной практики.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Право на анонимность не упоминается в основополагающих международных документах о правах человека и само по себе не относится к категории основных или фундаментальных прав человека. В конституционных актах некоторых стран данное право гарантируется (например, главой 3 Акта о свободе печати Швеции), в то время как в ряде других государств установлен запрет на анонимную корреспонденцию (например, параграф 5 ст. 141 Конституции Бразилии).

В наиболее общем виде под анонимностью следует понимать состояние, когда подлинная личность одного (анонимного) участника

коммуникации не известна остальным ее участникам. В широком смысле анонимность включает в себя и случаи использования псевдонимов и иных вымышленных идентификаторов, чтобы скрыть реальную личность. С точки зрения правового механизма реализации данное состояние может достигаться как в пассивной форме (путем несообщения своего имени или других идентифицирующих признаков), так и в активной форме (посредством принятия активных мер по скрытию своей личности).

Интернет в первые годы после своего появления описывался многими либеральными мыслителями как глобальное пространство, в котором обмен мнениями будет осуществляться свободно, независимо от государственных границ и анонимно. Считалось, что сам пользователь вправе решать, раскрывать ли в Сети свою подлинную личность, действовать под вымышленными данными (псевдонимом) или вообще без указания каких-либо идентифицирующих признаков. Широкую известность получила иллюстрация, опубликованная в *The New Yorker* 5 июля 1993 г. На ней изображены две собаки, сидящие перед монитором компьютера, и одна говорит другой: «В Интернете никто не знает, что ты – собака» (*On the Internet, nobody knows you're a dog*) [10, с. 558].

Эта подпись к картинке стала распространенной поговоркой, отражающей ранние представления об Интернете как о среде, гарантирующей полную приватность пользователей и сохранение в тайне их действий. Один из идеологов «свободного Интернета», американский писатель Дж. П. Барлоу в «Декларации независимости киберпространства», озвученной на Давосском форуме в феврале 1996 г., полагал, что традиционное для государственно-правовой действительности понятие «личности» неприменимо к отношениям в Интернете: «Наш мир одновременно везде и нигде, но не там, где живут наши тела... Наши индивидуальности не имеют тел, поэтому... мы не можем достичь порядка посредством физического принуждения» [12].

Монитор компьютера (а впоследствии также экран смартфона) сформировал у зна-

чительной части пользователей Сети представления об отделении их виртуальных личностей от физических тел. В результате этого анонимность, которая и до этого существовала в физическом мире, в онлайн-пространстве стала восприниматься по-иному. Как отмечается в литературе [9], неприсутствие физического тела в киберпространстве (и как следствие «отсутствие непосредственной угрозы повреждения или смерти тела») и возможность в любое время прервать коммуникацию в Сети создали ощущение безопасности и нередко «безнаказанности за такой стиль коммуникации, который в онлайн-общении никто не допускает». Для своей самопрезентации в Сети пользователи стали создавать виртуальные проекции идентичности («виртуальные оболочки»), в том числе технологические маски, не имеющие ничего общего с действительными параметрами идентификации соответствующего лица.

Мотивы анонимизации в Интернете также отличаются от мотивов, которыми руководствуются люди в физической среде. Это не только реализация авторского права при создании творческого результата (право обнародовать произведение под своим именем, под псевдонимом или без указания имени), но также анонимность «ради возврата к себе» или «ради бегства от себя», ради безопасности и т. д. [9, с. 67]. В цифровом мире человек, используя виртуальные проекции, способен выбирать такие социальные роли, на которые он не решился бы в физической реальности, преодолевая стеснение или страх разоблачения. Он может преследовать цель забыться, «уйти» от своей физической идентичности, если он ею по тем или иным причинам не удовлетворен.

Неслучайно анонимность в Интернете рассматривается не только в контексте права на имя (возможность использовать собственное или вымышленное имя либо не указывать имя вообще), но прежде всего в качестве гарантии права на уважение частной жизни, которое, в свою очередь, интерпретируется как важная гарантия и предпосылка реализации свободы выражения мнений. В рекомендациях Комитета министров Совета Европы от 23 февраля

1999 г. № R(99)5 анонимный доступ к интернет-сервисам, их анонимное использование, а также анонимные платежи названы «лучшими средствами обеспечения приватности» [13]. В Декларации о свободе обмена информацией в Интернете (принята 28 мая 2003 г. на 840-м заседании представителей Комитета министров Совета Европы) устанавливается обязанность государств-членов «учитывать желание пользователей интернетом не идентифицировать свою личность». Как отметил Специальный докладчик ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их выражение Д. Кей, «в условиях анонимности... пользователь гораздо более свободен изучать и распространять идеи и мнения, чем если бы он использовал свое настоящее имя» [14].

Анонимность в Интернете подразумевает, как правило, возможность анонимного поиска информации и посещения интернет-сайтов («серфинга»), анонимного соединения (когда сервер назначения не имеет возможности установить источник такого соединения (в частности, IP-адрес) или присвоить ему собственный идентификатор), анонимного распространения информации («постинга») или пересылки сообщений, анонимного создания и обнародования произведений и т. д.

По иронии Интернет, сперва рассматривавшийся многими как пространство подлинной приватности и безграничных возможностей самоидентификации, привел к определенной девальвации анонимности и конфиденциальности. Это случилось, по крайней мере, по двум причинам.

Во-первых, возможность действовать от имени вымышленной личности привлекла в глобальную Сеть большое число тех, кто стал злоупотреблять анонимностью с целью совершения мошеннических действий, интернет-травли, торговли запрещенными товарами. Для пресечения правонарушений и поимки злоумышленников государства стали предпринимать попытки вводить регулирование, предписывающее пользователям раскрывать свою подлинную идентичность при вступлении в юридически значимые отношения в Интернете. В числе пионеров оказа-

лись Соединенные Штаты Америки. В штате Джорджия еще в 1996 г. был принят Закон о защите компьютерных сетей (Georgia Computer System Protection Act). Он запретил гражданам скрывать свою личность при осуществлении интернет-коммуникаций, в том числе действовать анонимно. Впрочем, уже в сентябре того же года данный Закон был оспорен в федеральном окружном суде, который отменил соответствующие положения, сочтя их нарушающими Первую поправку к Конституции США (дело ACLU of Georgia v. Miller (977 F. Supp 1228, N. D. Ga. 1997)). В решении суда отмечалось, что Закон устанавливает необоснованный запрет на защищаемые Конституцией высказывания, в том числе на использование ложной идентификации, целями которой могут служить преодоление социального ostrакизма, предупреждение дискриминации и домогательств, защита приватности пользователя [15, с. 2]. За несколько лет до этого в схожем ключе высказался о праве на анонимность и Верховный суд США в решении по делу McIntyre v. Ohio Elections Commissions.

Тем не менее в законодательстве многих государств последовательно расширялись возможности органов власти по контролю интернет-активности граждан. С этой целью вводились различные правовые предписания: от обязанности интернет-провайдеров представлять информацию о пользователях по запросам правоохранительных органов (например, в Великобритании или Вьетнаме) или судов (во Франции, Канаде, США) до необходимости идентификации всех пользователей, пользующихся интернет-сервисами, под своими реальными именами (Китай, Иран). В 2007 г. требование идентификации было установлено законом в Южной Корее, однако впоследствии Верховный суд признал данное регулирование несовместимым с Конституцией [6]. Тем не менее в данной стране сохраняются требования обязательной идентификации пользователей на сайтах «для взрослых» (с целью подтверждения возраста) и при использовании некоторых других сервисов.

Во-вторых, в экономике резко возросла ценность сведений о пользователях Интернет-

та (как агрегированной информации в формате «больших данных», так и персональных данных, относящихся к каждому конкретному человеку). Такая информация позволяет на основе анализа действий пользователей профилировать их, т. е. предсказывать их вероятное поведение, а также индивидуализировать рекламу. Если на заре Интернета возможности применения огромных массивов пользовательских данных еще не были изучены и освоены, то уже к началу 2000-х годов экономика во многом стала зависеть от персональных данных, результатов их обработки и трансграничной передачи. Революционным здесь стало появление социальных сетей, в которых десятки и сотни миллионов пользователей стали добровольно раскрывать информацию о себе, в том числе конфиденциального характера [7, с. 88]. Хрестоматийным примером, иллюстрирующим ценность информации о пользователях, стал проект, реализованный Cambridge Analytica в ходе президентских выборов 2016 года в США. Данная организация на основе данных 50 млн пользователей Facebook создала пользовательские профили с целью таргетирования политической рекламы [16]. Существует мнение, что такой подход к предвыборной агитации во многом определил победу республиканцев. Впоследствии такая практика получила неоднозначную интерпретацию, поскольку фактически она означала использование персональной информации частной консалтинговой компанией без согласия человека для нахождения ему определенных политических взглядов. В связи с этим обнаружилась и проблема недостаточного регулирования защиты персональных данных в американском законодательстве.

Интерес к пользовательским данным (притом реальным, а не вымышленным) стали проявлять не только правительства, но и (даже в первую очередь) коммерческие компании – провайдеры интернет-услуг. Обладание такими данными стало служить залогом эффективных рекламных коммуникаций. Пока государства, сдерживаемые императивами уважения прав человека, осторожно пытаются найти баланс между приватностью и безопасностью при установлении ограничений

анонимности в Сети, интернет-гигантам ничто не мешает закреплять в пользовательских соглашениях (регулируемых частным, а не публичным правом) запрет анонимных действий. Например, «политику реальных имен» на протяжении последних лет пытается внедрить Facebook (п. 1 раздела 3 Пользовательского соглашения, размещенного по адресу: <https://www.facebook.com/legal/terms>). Данная инициатива сопровождалась громкими заявлениями руководства компании. Рэнди Цукерберг, в прошлом директор по маркетингу Facebook, заявляла: «Анонимность должна быть изгнана из Интернета... Люди ведут себя намного лучше под своими реальными именами» [6, с. 28]. Свою позицию социальная сеть Facebook не изменила даже после утечки реальных данных полумиллиарда пользователей весной 2021 г. [17]. Схожее регулирование использует и социальная сеть ВКонтакте: согласно п. 5.3 и 5.4 Правил пользования Сайтом (доступны по адресу: <https://vk.com/terms>) пользователь обязан предоставить при регистрации «достоверную и актуальную информацию для формирования персональной страницы», включая фамилию и имя, и несет ответственность за полноту, достоверность, актуальность предоставленной информации и ее соответствие законодательству Российской Федерации. Сервис микроблогов Twitter предъявляет требование подлинности данных только к профессиональным учетным записям (Политика в отношении профессиональных учетных записей: <https://help.twitter.com/ru/rules-and-policies/professional-account-policy>). Не способствует анонимности и широкое использование Facebook и другими социальными сетями алгоритмов распознавания лиц на фотографиях, а также геолокации. Сегодняшняя реальность такова, что именно глобальные интернет-компании, а не государства фактически определяют стандарты раскрытия пользователями своих данных [4].

Особенности цифрового мира таковы, что, даже скрываясь под вымышленными идентификационными данными, пользователь Интернета оставляет после каждого своего действия, совершенного в Сети, «цифровой след», который (подобно следам в физиче-

ском мире) может способствовать установлению реального человека, стоящего за виртуальной оболочкой. В отличие от физических следов многие цифровые следы не стираются со временем, не исчезают и доступны для потенциально неограниченного круга других участников интернет-коммуникации: правительства, компаний, а также злоумышленников. Например, фотография, размещенная на псевдонимизированной странице в социальной сети, – даже если на ней не изображены конкретные лица – может содержать метаданные об устройстве, с помощью которого был сделан кадр (в том числе о серийном номере изделия), о месте и времени, когда была сделана фотография. При наличии достаточной технической возможности не составит труда определить по номеру изделия и месту абонентский номер и оператора связи, а затем и выйти на владельца. В специальной литературе утверждается, что именно таким образом (по метаданным фотографии в Twitter) в 2012 г. органами полиции США, Белиза и Гватемалы было определено местонахождение находившегося в розыске программиста, создавшего известного антивирусного программного обеспечения Джона Макафи [3, с. 225–227].

Раскрытию подлинной личности могут способствовать «цифровые следы» и других действий пользователя в Сети (например, поисковых запросов, посещенных сайтов), особенно в совокупности с технической информацией (данными об устройстве, операторе связи, динамическом или статическом IP-адресе, местоположении и т. д.), а также фиксируемыми многими провайдерами интернет-услуг характеристиками взаимодействия пользователя с устройством (скорость нажатия клавиш клавиатуры или мыши, угол наклона смартфона, время и продолжительность выхода в Интернет и т. д.). Последние столь же индивидуальны, как и биометрические персональные данные. Проблема, связанная с оставлением «цифровых следов», затронула реализацию не только права на неприкосновенность частной жизни, но и права каждого человека поступать в соответствии с собственными убеждениями. Убеждения человека, его мысли, которые

традиционно рассматривались правоведами как часть внутреннего мира человека, не подлежащего контролю со стороны кого бы то ни было, в Интернете становятся во многом вывернутыми наизнанку: о них способны рассказать поисковые запросы, просмотренные видео, «лайки» в социальных сетях и другие подобные следы.

Описанные тенденции и особенности позволяют прийти к выводу, что в сети Интернет не существует абсолютной анонимности. Интернет, благодаря своим свойствам и предоставляемым возможностям, послужил причиной определенной девальвации не только анонимности, но и в целом права на неприкосновенность частной жизни. Анонимность в Интернете оказалась во многом иллюзией. В лучшем случае мы можем рассуждать об относительной, или условной анонимности, т. е. неизвестности подлинного имени или других характеристик пользователя другим пользователям – участникам коммуникации, находящимся в таком же статусе. Но при этом многочисленные идентифицирующие данные фиксируются аппаратно-технологическими технологиями провайдеров [5, с. 61], могут быть запрошены у третьей стороны (например, у оператора связи), а также выявлены (раскрыты) путем со-поставления косвенных идентификаторов пользователя (например, указанных в его профиле в социальной сети сведений о дне рождения, учебном заведении и т. д.) и анализа его поведения.

Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) рассуждает о различных степенях (градациях) анонимности в Интернете: «Интернет-пользователь может быть анонимным для широкой публики, но известным поставщику услуги по данным аккаунта или контактной информации, которая может либо оставаться неподтвержденной, либо подлежать какому-либо контролю ... [вплоть до] использования национальных электронных удостоверений личности или данных для онлайн-идентификации клиента банка, позволяющей с большей уверенностью установить личность пользователя. Поставщик услуг может также предусмотреть более высокую степень анонимности для своих поль-

зователей... [когда] не требуется сообщать о себе вообще никаких сведений и их можно установить в ограниченной степени только по данным, сохранившимся у интернет-провайдера» (постановление ЕСПЧ от 16 июня 2015 г. по делу «Компания “Делфи АС” (Delfi AS) против Эстонии»).

В сложившихся условиях оправданным выглядит стремление государств и ряда международных органов и организаций установить довольно жесткое регулирование, гарантирующее сохранение анонимности пользователей в Интернете, в том числе установить процедуры, связанные с получением доступа к пользовательской информации, а также пресечь неконтролируемый массированный сбор персональных данных технологическими компаниями – провайдерами интернет-услуг. Данное обязательство государств прямо вытекает из п. 2 ст. 17 Международного Пакта о гражданских и политических правах, предписывающего обеспечивать защиту частной жизни от незаконного и произвольного вмешательства или посягательств. Так, Верховный суд Канады в решении от 13 июня 2014 г. по делу R. V. Spencer счел, что «определенная степень анонимности является характерной чертой значительной части интернет-активности и, в зависимости от совокупности обстоятельств, может лежать в основе интересов человека в сохранении приватности, предполагающей конституционную защиту от необоснованного слежения». На этом основании Суд посчитал противоречащей Конституции возможность предоставления информации о пользователях по запросу полиции. Такие данные могут быть раскрыты только по судебному решению.

Также государства пытаются противостоять глобальным интернет-компаниям, устанавливающим чрезмерные ограничения анонимности в правилах пользования своими сервисами. Например, в Германии в свое время был инициирован ряд судебных процессов против Facebook в связи с его «политикой реальных имен», которая вступала в противоречие с германским законодательством, гарантирующим анонимность электронных коммуникаций [4, с. 75].

Вместе с тем в национальном правовом регулировании сохраняется и противоположная тенденция: для обеспечения безопасности и противодействия киберпреступности и международному терроризму государства стремятся (каждое – в разной степени и с переменным успехом) ограничить анонимность пользователей и закрепить механизмы, позволяющие правоохранительным органам и судам получать в определенных случаях доступ к сведениям о лице и его действиях в Интернете. Одновременное существование двух названных тенденций приводит к тому, что регулирование вопросов интернет-анонимности подчас оказывается непоследовательным и противоречивым; избыточно ограничительным либо страдающим от недостаточности юридических гарантий интересов пользователей. Компании, в свою очередь, стараются ограничить доступ органов власти (в особенности иностранных государств) к собранным ими данным о пользователях. С этой целью они избегают размещения серверного оборудования, на котором хранятся данные, в странах с неустойчивыми политическими режимами или низким уровнем защиты прав человека, а также лоббируют принятие законов, осложняющих предоставление такой информации по запросам зарубежных органов [18, с. 59–63].

В пользу анонимности в Интернете высказывался ЕСПЧ, интерпретируя ее в контексте права на уважение личной и семейной жизни (ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). По мнению Суда, для оценки того, имел ли пользователь Интернета разумные ожидания в отношении сохранения конфиденциальности своей личности, следует принимать во внимание все его действия, в том числе использование динамических IP-адресов, которые хотя и видимы другим пользователям Интернета, но сами по себе не позволяют однозначно установить личность участника коммуникации без обращения компетентных органов государства к оператору связи (постановление ЕСПЧ от 24 апреля 2018 г. по делу «Бенедик (Benedik) против Словении»). Впрочем, ЕСПЧ (как и национальные правоприменительные органы) признает, что право на со-

хранение конфиденциальности личности не является абсолютным, при необходимости гарантии такого права «должны отступать перед иными законодательными императивами, такими как поддержание порядка и предотвращение преступлений или защита прав и свобод других лиц (постановление ЕСПЧ от 2 декабря 2008 г. по делу «К. У. против Финляндии»).

В числе гарантий анонимного использования Интернета часто называют возможность использования шифрования [2, с. 11–12]. Упомянутый выше доклад Специального докладчика ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их выражение от 22 мая 2015 г. в параграфе 12 акцентирует внимание на том, что «шифрование и анонимность вместе и по отдельности создают некоторое конфиденциальное пространство, в котором мнения и убеждения защищены... С их помощью сохраняется тайна переписки, а высказанное мнение ограждается от внешнего контроля, что особенно актуально во враждебной политической, социальной, религиозной и правовой среде».

В России на возможность анонимного «постинга» в Интернете в свое время указал Конституционный Суд: «Информация, распространяемая посредством сети Интернет, размещается на сайтах, ресурсы которых, как правило, технически и технологически объективно доступны неопределенному кругу лиц, что не исключает возможность их анонимного использования, в том числе в противоправных целях, например, для распространения сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию граждан» (Постановление от 9 июля 2013 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Крылова»)¹. Впрочем, как видно из данной цитаты, Конституционный Суд рассуждал об ано-

нимности не как о правовой возможности, которая должна защищаться государством, а, скорее, как о проблеме. Принимаемые в России на протяжении последнего десятилетия законодательные акты последовательно сужают возможности анонимного использования Интернета. В качестве примера можно привести Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ, установивший для организаторов распространения информации в Интернете обязанность хранить переписку пользователей и предоставлять Федеральной службе безопасности России информацию, необходимую для декодирования зашифрованных электронных сообщений. Организаторы сервисов обмена мгновенными сообщениями также обязаны осуществлять идентификацию всех своих пользователей по абонентскому номеру телефона (подп. 1 п. 4.2 ст. 10.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). Идентификация лица требуется и при получении доступа в Интернет – как в рамках договоров оказания услуг связи (ст. 44 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи»), так и через публичные точки wi-fi.

Курс России на отказ от анонимности в Интернете был явно обозначен в подп. «д» п. 34 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (утверждена Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203), в котором подчеркивается необходимость выработки «системы доверия в сети Интернет, гарантирующей конфиденциальность и личную безопасность пользователей, конфиденциальность их информации и исключающей анонимность, безответственность пользователей и безнаказанность правонарушителей» (выделено мной. – А. М.). Приведенная цитата, мягко говоря, не совпадает со сложившейся в международном праве трактовкой анонимности в Интернете как гарантии сохранения конфиденциальности данных о личности пользователей.

Различия в подходах обусловлены во многом тем, что в вопросе об анонимности в Интернете в российском обществе (как, впрочем, и во многих других странах) по-

¹ Здесь и далее ссылки на правовые акты приведены в соответствии с текстами указанных актов, размещенными в справочно-правовой системе «Консультант Плюс» по состоянию на 10 ноября 2021 г.

прежнему не сложилось осмыслиения соответствующих ценностей и расстановки их приоритетов. Российское государство исходит из несовместимости анонимности пользователей, с одной стороны, и обеспечения их безопасности – с другой. На самом деле личная безопасность включает в себя в том числе возможность каждого человека сохранять в тайне информацию, касающуюся только его, поскольку данное право непосредственно вытекает из гарантированной статьей 23 Конституции неприкосновенности частной жизни. Нет никаких юридических оснований считать, что факт совершения лицом каких-либо действий в Интернете лишает его этой конституционной гарантии. Иное противоречило бы ст. 55 Конституции РФ, не допускающей умаления прав и свобод человека и гражданина. Очевидно, что в онлайн-среде человек должен пользоваться теми же конституционными правами, которые принадлежат ему в «традиционном» офлайн-пространстве.

И если в вопросе сохранения или ликвидации анонимности интересы интернет-пользователей и государства кажутся, на первый взгляд, противоположными, то обеспечение безопасности личности в Интернете – цель, представляющая одинаковый интерес для всех сторон [2, с. 7]. Именно на этой цели следовало бы сфокусироваться государствам при регулировании вопросов анонимности, которая сама по себе является не конечной целью, а лишь средством, направленным на обеспечение личной безопасности граждан. Другими словами, на обеспечение безопасности должно быть направлено не ограничение анонимности в Интернете, а нахождение разумного и справедливого баланса между анонимностью и открытостью.

Поскольку анонимность в Интернете тесно связана с реализацией многих основополагающих прав и свобод человека, ее регулирование должно основываться на право-защитном подходе. В частности, при установлении ограничений анонимности должны использоваться критерии необходимости и пропорциональности, установленные ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и фундаментальными международными документами о правах че-

ловека. Стремление государства защитить граждан от злоупотреблений в глобальной Сети и обеспечить их безопасность не должно сопровождаться тотальным запретом анонимности, остающейся наиболее эффективным инструментом обеспечения неприкосновенности частной жизни в Интернете. Частные же случаи ограничения анонимности должны подвергаться эффективному судебному контролю, а законодательно установленные случаи идентификации пользователей (которые, во всяком случае, не могут быть чрезмерными) должны сопровождаться гарантиями неразглашения персональных данных, в том числе ограничением оснований их предоставления и установлением связанных с этим надлежащих правовых процедур.

Не способствует установлению адекватного регулирования анонимности и ее очевидно устаревшее восприятие как статического и одномерного явления. На самом деле анонимность в Интернете (всегда оставаясь относительной) – подвижное состояние, характер которого зависит от контекста и ситуации [10, с. 562]. Соответственно, ограничения анонимности, в необходимости установления которых нет сомнений, не должны носить характера универсального запрета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Парадокс анонимности в Интернете, вероятно, еще долго не найдет своего разрешения. Очевидно, что свойства современного Интернета и его существующая технологическая инфраструктура не располагают к сохранению в тайне сведений о пользователях и делают эту информацию потенциально уязвимой. Сложно спорить и с тем, что государства и технологические компании и дальше будут стремиться получать максимально возможные достоверные сведения обо всех интернет-пользователях и совершенных ими действиях. В определенном смысле можно говорить о конкуренции между государствами и глобальными провайдерами интернет-услуг за доступ к таким данным.

В этой ситуации пользователи, желающие сохранить конфиденциальность, могут оказаться «разменной монетой» в игре между правительствами и компаниями, а их право

сохранять анонимность будет окончательно принесено в жертву политическим и коммерческим интересам под предлогом обеспечения безопасности. Чтобы этого не произошло, требуется установление стандартов (возможно, на международном уровне), определяющих случаи, в которых интернет-пользователям должны быть гарантированы анонимные коммуникации, а также устанавливающих правовые процедуры раскрытия пользовательской ин-

формации на основе общепризнанных международных норм в области прав и свобод человека и принципов справедливости и пропорциональности.

ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-29-16204.

ЛИТЕРАТУРА

1. Watt E. The Right to Privacy and the Future of Mass Surveillance // Int J Hum Rights. 2017. Vol. 21, Is. 7. P. 773–799. DOI 10.1080/13642987.2017.1298091.
2. Murphy M. H. Technological Solutions to Privacy Question: What Is the Role of Law? // Inform Comm Tech Law. 2016. Vol. 25, Is. 1. P. 4–31. DOI 10.1080/13600834.2015.1134148.
3. Митник К. Искусство быть невидимым: как сохранить приватность в эпоху Big Data (пер. с англ.). М. : Эксмо, 2021. 464 с.
4. Rossi A. Internet Privacy: Who Sets the Global Standard? // The International Spectator. 2014. Vol. 49, Is. 1. P. 65–80. DOI 10.1080/03932729.2014.875823.
5. Жарова А. К. О соотношении персональных данных с IP-адресом. Российский и зарубежный опыт // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2016. № 1. С. 61–67.
6. Михайлов С. В. Анонимность в Интернете // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2017. № 17. С. 26–32.
7. Щербович А. А. Реализация конституционных прав и свобод в Интернете. М. : Тeis, 2015. 148 с.
8. Право на доступ в Интернет, анонимность и идентификация пользователей (конституционно-правовые проблемы) / под ред. М. С. Саликова. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2020. 167 с.
9. Зудилина Н. В. Мотивы использования анонимности в киберпространстве Интернета как фактор формирования идентичности человека // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2013. № 9. С. 63–68.
10. Sarda T., Natale S., Sotirakopoulos N., Monaghan M. Understanding Online Anonymity // Media Cult Soc. 2019. Vol. 41, No. 4. P. 557–564. DOI 10.1177/0163443719842074.
11. Устинович Е. С. Зарубежный опыт законодательного регулирования анонимности в Интернете и судебная практика // Вопросы экономики и права. 2016. № 2. С. 7–9.
12. A Declaration of the Independence of Cyberspace. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (accessed: 11.11.2021).

REFERENCES

1. Watt E. The Right to Privacy and the Future of Mass Surveillance // Int J Hum Rights. 2017. Vol. 21, Is. 7. P. 773–799. DOI 10.1080/13642987.2017.1298091.
2. Murphy M. H. Technological Solutions to Privacy Question: What Is the Role of Law? // Inform Comm Tech Law. 2016. Vol. 25, Is. 1. P. 4–31. DOI 10.1080/13600834.2015.1134148.
3. Mitnick K. The Art of Invisibility. The World's Most Famous Hacker Teaches You How to Be Safe in the Age of Big Brother and Big Data (Trans. from English). Moscow : Eksmo, 2021. 464 p. (In Russian).
4. Rossi A. Internet Privacy: Who Sets the Global Standard? // The International Spectator. 2014. Vol. 49, Is. 1. P. 65–80. DOI 10.1080/03932729.2014.875823.
5. Zharova A. K. On the Relation of Personal Data with the IP Address. A Study Russian's and Foreign Experience // Journal of the Ural Federal District. Information Security. 2016. No. 1. P. 61–67. (In Russian).
6. Mikhailov S. V. Anonimnost v Internete // Zhurnal Suda po intellektualnym pravam. 2017. No. 17. P. 26–32. (In Russian).
7. Shcherbovich A. A. Realizatsiia konstitutsionnykh prav i svobod v Internete. Moscow : Teis, 2015. 148 p. (In Russian).
8. Pravo na dostup v Internet, anonimnost i identifikatsiia polzovatelei (konstitutsionno-pravovye problemy) / Ed. M. S. Salikov. Yekaterinburg : Izd-vo UMTs UPI, 2020. 167 p. (In Russian).
9. Zudilina N. V. Motives of the Use of Anonymity in Cyberspace of the Internet as a Factor of Identity Formation of Man // Izvestiiia Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriia: Problemy sotsialno-gumanitarnogo znaniia. 2013. No. 9. P. 63–68. (In Russian).
10. Sarda T., Natale S., Sotirakopoulos N., Monaghan M. Understanding Online Anonymity // Media Cult Soc. 2019. Vol. 41, No. 4. P. 557–564. DOI 10.1177/0163443719842074.
11. Ustinovich E. S. Zarubezhnyi opyt zakonodatel'nogo regulirovaniia anonimnosti v Internete i sudebnaia praktika // Voprosy ekonomiki i prava. 2016. No. 2. P. 7–9. (In Russian).

-
13. Recommendation No. R (99) 5 of the Committee of Ministers to Member States for the Protection of Privacy on the Internet (Adopted by the Committee of Ministers on 23 February 1999 at the 660th meeting of the Ministers' Deputies). URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016804f4429 (accessed: 11.11.2021).
 14. Доклад Специального докладчика ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их выражение Дэвида Кея от 22 мая 2015 г. (A/HRC/29/32). URL: <https://www.undocs.org/ru/A/HRC/29/32> (дата обращения: 11.11.2021).
 15. Freeman E. Anonymity on the Internet: ACLU of Georgia v. Miller // J Inform Syst Secur. 2000. Vol. 9, Is. 4. P. 1–6. DOI 10.1201/1086/43311.9.4.20000910/31363.3.
 16. Government Policy for the Internet Must Be Rights-Based and User-Centred. URL: <https://www.un.org/en/chronicle/article/government-policy-internet-must-be-rights-based-and-user-centred> (дата обращения: 11.11.2021).
 17. Личные данные и номера 500 млн пользователей Facebook попали в сеть. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/tehnologii/425327-lichnye-dannye-i-nomera-500-mln-polzovateley-facebook-popali-v-set> (дата обращения: 11.11.2021).
 18. Смит Б., Браун К. Э. IT как оружие: Какие опасности таит в себе развитие высоких технологий / пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2021. 352 с.
 12. A Declaration of the Independence of Cyberspace. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (accessed: 11.11.2021).
 13. Recommendation No. R (99) 5 of the Committee of Ministers to Member States for the Protection of Privacy on the Internet (Adopted by the Committee of Ministers on 23 February 1999 at the 660th meeting of the Ministers' Deputies). URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016804f4429 (accessed: 11.11.2021).
 14. Report of the Special Rapporteur on the Promotion and Protection of the Right to Freedom of Opinion and Expression, David Kaye of May 22, 2015 (A/HRC/29/32). URL: <https://www.undocs.org/ru/A/HRC/29/32> (accessed: 11.11.2021). (In Russian).
 15. Freeman E. Anonymity on the Internet: ACLU of Georgia v. Miller // J Inform Syst Secur. 2000. Vol. 9, Is. 4. P. 1–6. DOI 10.1201/1086/43311.9.4.20000910/31363.3.
 16. Government Policy for the Internet Must Be Rights-Based and User-Centred. URL: <https://www.un.org/en/chronicle/article/government-policy-internet-must-be-rights-based-and-user-centred> (accessed: 11.11.2021).
 17. Lichnye dannye i nomera 500 mln polzovatelei Facebook popali v set. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/tehnologii/425327-lichnye-dannye-i-nomera-500-mln-polzovateley-facebook-popali-v-set> (accessed: 11.11.2021).
 18. Smith B., Brown K. A. IT as a Weapon. What Are the Dangers Inherent in the Development of High Technology / Trans. from English. Moscow : Alpina Publisher, 2021. 352 p. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мочалов Артур Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия.

E-mail: artur.mochalov@usla.ru

ABOUT THE AUTHOR

Artur N. Mochalov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Department of Constitutional Law, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: artur.mochalov@usla.ru